

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Альфредо Бонанно

Анархизм и повстанческий проект

**Выступление на анархистской
конференции, состоявшейся в
Милане 13 октября 1985 года**

Альфредо Бонанно

Анархизм и повстанческий проект
Выступление на анархистской конференции,
состоявшейся в Милане 13 октября 1985 года
1985

Перевод А. Бренера и Б. Шурц

Опубликовано в сборнике «На ножах со всем
существующим», Умопомрачительный самиздат, Рига, 2006
Сохранено 16 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

1985

ческую и революционную действительность.

Я думаю, что в организации этой конференции есть странное противоречие между формальным аспектом — такой красивый зал (впрочем, это вопрос вкуса), я, сидящий наверху, большинство товарищей внизу, некоторых я хорошо знаю, других нет — и содержательным аспектом: попыткой обсуждать проект, направленный на разрушение всего этого. Как будто кто-то хочет сделать две разные вещи одновременно.

Данное противоречие коренится в самой жизни. Мы принуждены использовать инструменты правящего класса для подрывного и разрушительного проекта. Мы живём в отвратительном и ужасном мире, а в голове у нас прекрасные мечты.

У анархистов много проектов. Как правило, все они — творческие, однако в самом их центре находится разрушительный проект, основанный не только на воображении, но и на социальной реальности вокруг нас.

Исходя из этой реальности, мы предполагаем, что сегодняшнее общество движется к серии разрушительных извержений, поскольку его раздирают серьёзные противоречия.

Человек с улицы тоже думает о возможных социальных потрясениях. И как он их себе представляет? А вот как: вооружённые люди, горящие и перевёрнутые машины, разрушенные здания, плачущие дети, матери, мечущиеся в поисках своих малюток. . . Проблема, однако, заключается в том, что и для многих анархистов будущие социальные взрывы рисуются в тех же тонах. Когда речь заходит о революционной и повстанческой борьбе, многие воображают сцены Французской революции, баррикады, руины Парижской коммуны.

Разумеется, восстание не обходится без всего этого. Но одновременно оно — нечто большее. Повстанческий и революционный процесс включает в себя эти сцены, но также и многое другое. Мы сегодня собрались здесь как раз для того, чтобы

это получше уяснить.

Давайте избавимся от идеи восстания как баррикады и посмотрим, чем может стать восстание сегодня, а не в 1830-м, 1848-м или 1871-м году.

Мы живём в мире, где промышленное производство стремительно трансформируется, в обществе, которое обычно описывается как «пост-индустриальное». Нам говорят, что компьютерные сети стали важнее сталелитейных гигантов, а сфера услуг приносит такие же прибыли, как милитаристский бизнес.

И вот некоторые товарищи, ознакомившись с этими определениями и анализами, приходят к выводу, что старые революционные модели больше не годятся, что необходимо искать новые пути и что эти пути по необходимости отрицают старые.

Выраженные таким образом, вещи кажутся более логичными. Мы легко впечатляемся «новыми путями» и начинаем отрицать все старые модели. Но подождите минуту.

Я не хочу злоупотреблять здесь литературными цитатами, но однажды было сказано, что сила революционера определяется его способностью соединить будущее с элементами прошлого. Иными словами: поженить нож наших предков на компьютере наших потомков. Неплохо звучит, не так ли?

Я говорю это не потому, что испытываю тоску по миру, где противника атаковали с тесаком, зажатым между зубами, а потому, что считаю революционные инструменты прошлого по-прежнему действенными. В прошлом люди умели найти простые способы, чтобы ответить на давление власти. Почему же они должны утратить это умение в будущем? Глупо недооценивать традиционную силу народного восстания.

Взглянем на вещи трезво. Всегда что-то не срабатывало в капиталистическом проекте. Утопия капитала содержит в себе нечто технически ошибочное: она пытается одновременно

зая не только орудия прошлого, но и инструменты будущего. Позвольте мне напомнить, что разница между орудиями прошлого и будущего заключается вовсе не в том, чтобы добавить несколько новых параграфов (или фотографий) к нашим старым тезисам. И дело не просто в другом — более юмористическом и менее занудном — тоне нашего письма. Мы должны действительно осознать, что такие инструменты будущего, мы должны начать создавать их — повстанческие орудия будущего — и мы должны совместить их с ножом наших предков, который они стискивали в зубах. Именно так мы построим воздушный мост, о котором я сказал.

Итак, неформальная организация должна создать простой дискурс с большими целями. И хватит говорить, что каждая атака должна вести к социальной революции. Разве пристало анархистам нести такой вздор? Будьте уверены, товарищи, что социальная революция не за ближайшим углом. У этой улицы много углов и это очень длинная улица. Поэтому точные и быстрые атаки (даже с ограниченными задачами), понятные и близкие исключённым, крайне важны. Организация, способная находиться «внутри» вспыхнувшего бунта и активно разжигаящая его, может трансформировать этот бунт в восстание с революционными целями, если будет использовать правильные инструменты и методы. Это и есть задача повстанческих анархистов. Другие же дороги сегодня перекрыты.

Конечно, остаётся возможность двигаться по пути традиционной организации, пропаганды, анархистского просвещения и полемического обсуждения (что мы сейчас и делаем). Развитие капитализма, о котором я говорил, пока лишь тенденция. Однако, будучи революционными анархистами, мы обязаны предвидеть эту линию развития и готовиться к необходимости трансформировать иррациональные ситуации бунта в повстан-

визор и холодильник, набитый котлетами, бананами и пивом? Что мы можем предложить тем, кто купил машину и видео, но всё же вышел на улицу, чтобы жечь полицейский участок? Будем мы им читать лекцию об анархистской организации девятнадцатого века? Или предложим им повстанческий дискурс Малатесты? Нет, это невозможно. Это устарело. Поэтому мы должны найти другой путь — и как можно скорее.

Другой путь должен быть найден прежде всего для нас самих, чтобы мы смогли преодолеть старые привычки и научились видеть новую реальность. И когда вокруг нас взрываются бунты, мы не должны появляться на них в качестве гостей и соглядатаев. Мы должны быть там как участники и носители проекта, который был изучен и рассмотрен в деталях заранее.

Каков же этот проект? Несомненно, это проект объединения с исключёнными в атаке, но уже не на идеологическом основании, не через дискурсы, базирующиеся на старых концептах классовой борьбы, но на основе чего-то непосредственного и актуального, связанного с наличествующей реальностью, даже с разными реальностями. Мы должны сами создавать ситуации напряжения и возгорания. Если мы попытаемся разрабатывать эти ситуации на идеологической основе, нас не примут. Контакт должен произойти иначе, организованно, но по-другому. Он не может состояться через большую организацию с просвещенческой или романтической идеологией. Организация должна быть подвижной и стремительной, яростной и весёлой, то есть это будет неформальная анархистская организация — союз товарищей, обладающих анархистским классовым сознанием, но признавших ограниченность старых моделей и выявивших возможность иных, более рискованных подходов. Эта организация должна действительно затронуть реальность вещей, развить ясный анализ и сделать его доступным, исполь-

делать три вещи, противоречащие друг другу. Во-первых, гарантировать благополучие меньшинства; во-вторых, эксплуатировать большинство до границ выживания; и в-третьих, препятствовать восстанию большинства якобы в его же интересах (во имя его прав).

Теперь зададим себе вопрос: исчезли ли эти противоречия в «пост-индустриальном» обществе? Нет, они не исчезли. Компьютерная операция в каком-нибудь миланском небоскрёбе может запустить текстильное производство где-нибудь в Малайзии. Обещает ли это лучшую жизнь? Может быть — кое-кому. Во всяком случае, не всем. Если бы современный капитализм мог действительно качественно улучшить жизнь всех, тогда мы могли бы спокойно отправиться домой — мы все стали бы приверженцами капиталистической идеологии. Но проблема в том, что улучшение обеспечено немногим и что этот привилегированный слой всё более закрывается в себе. Привилегированные будущего найдут себя примерно в той же ситуации, что тевтонские рыцари Средних веков: запертыми в крепости «равнопривилегированных», окружёнными крепкими стенами, за которыми — бесчисленные бедняки, пытающиеся проникнуть в крепость.

В настоящее время группа привилегированных включает в себя не только крупных капиталистов, но и социальный слой, состоящий из средних и верхних кадров. Это очень большой слой, даже если он крайне ограничен по сравнению с массами эксплуатируемых. Можно назвать этот слой «включёнными». Что же вы думаете: эти включённые, живущие в «крепости», действительно окружают себя стенами, колючей проволокой, армией, полицией и телохранителями? Лично я так не думаю.

Неприступные стены, гетто, спальные районы, полиция и пытки — все эти вещи, довольно заметные сегодня (и эксплуа-

тируемые во всём мире продолжают умирать в этих застенках) — могут сильно измениться в ближайшем будущем. (Не забудьте, что я говорю о проекте, существующем пока лишь в качестве тенденции.) Важно понять, что пять или десять лет сегодня соответствуют сотням лет в недалёком прошлом. Капиталистический проект движется с небывалой скоростью. Те изменения, которые произошли между 1960-м и 1968-м годом, заняли бы сейчас несколько месяцев. Это надо помнить, говоря о трансформации капитала.

Так как же хотят обезопасить себя включённые? Ответ таков: они надеются отрезать исключённых от себя. Как отрезать? А так: отрезав коммуникацию.

Мы подошли к главному концепту власти будущего. Он должен быть рассмотрен как можно глубже. Отрезать коммуникацию означает две вещи: с одной стороны, создать редуцированный, предельно обеднённый язык, обладающий абсолютно элементарным кодом. Язык, позволяющий исключённым пользоваться компьютером, и только. Что-то крайне простое, примиряющее с жизнью, не дающее о ней задуматься и взбунтоваться. И с другой стороны: дать включённым «язык включённых», то есть снабдить их сложной и разветвлённой программой сохранения власти, продвижения вглубь утопии привилегированных, проекта капитала.

Вот что будет реальной стеной — отсутствие общего языка. И эта стена — выше любой тюремной, на неё не просто взобраться.

Эта проблема имеет много интересных аспектов. Прежде всего рассмотрим ситуацию самих включённых. Не нужно забывать, что в мире привилегий найдутся люди, не чуждые революционно-идеологическому знанию и опыту. Им будет ненавистна их привилегированная жизнь, они будут чувствовать

проделанную оппозицией в то время, когда ещё существовал общий язык. Сейчас, когда боссы и их хирурги отрезали коммуникацию, мы не можем создать альтернативу. Это было бы всего лишь повторением ошибок прошлого. Однако мы можем использовать те же инструменты (образы, звуки и т. д.) для того, чтобы передать концепты, способные превратить ситуации бунта в революционное восстание. Эту работу мы можем проделать, и мы должны её начать уже сегодня. Так мы приблизимся к восстанию.

Есть товарищи, которые думают, что мы остались в восемнадцатом веке и окончательно устарели. В противоположность им я думаю, что мы можем построить изящный воздушный мост, способный связать орудия прошлого с гневом будущего. Разумеется, это будет непросто. Первый враг, которого нам придётся поразить, — наша собственная боязнь новых ситуаций, вещей, которых мы не понимаем, дискурсов, чуждых нашему дряхлому рационализму.

Однако необходимо совершить усилие. Некоторые товарищи призывают к атаке в стиле луддитов. Несомненно, атака всегда хороша, но луддизм — дело прошлого. Луддиты говорили на одном языке с теми, кто владел машинами. Существовал общий язык, разделяемый владельцами первых фабрик и сопротивляющимся пролетариатом. Одна сторона ела, а другая не ела, но, несмотря на это различие, у них был общий язык. Сегодняшняя реальность трагически другая. И в будущем разрыв только увеличится. Поэтому необходимо подготавливать бунты. Мы не можем позволить себе появляться с нашими флагами на улицах, которые уже пылают. Это позорно. В этом случае исключённые с отвращением отвернутся от нас: «К чёрту таких гостей!». Что мы можем сказать тем, кто бунтует против никчёмности своей жизни, хотя дома у них есть цветной теле-

В этой точке мы должны полностью осознать разницу между бунтом и восстанием. Бунт — это движение людей, содержащее сильные иррациональные характеристики. Бунт может начаться по любому поводу: кто-то арестован на улице, полиция во время облавы застрелила человека, драка возникла между футбольными болельщиками. Не стоит пугаться этого феномена. Знаете, почему мы пугаемся? Потому что мы — носители идеологии прогресса и просвещения. Потому что мы думаем, что эта идеология истинна, и что все иррациональные индивиды — фашистские провокаторы, а значит их нужно как можно скорее заткнуть.

На самом деле всё обстоит иначе. В будущем бунты будут иррациональными и немотивированными. Я чувствую, как страх распространяется среди товарищей, а заодно — желание вернуться к методам, основанным на ценностях прошлого. Но я не думаю, что эти методы просуществуют долго. Конечно, мы продолжим издавать наши газеты, книги, брошюры, однако людей с лингвистическими наклонностями, способных читать и понимать наши анализы, станет всё меньше.

Что вызовет эту ситуацию? Да сама реальность, чреватая восстаниями. И какой будет наша задача? Продолжать споры, опираясь на методы прошлого? Или попытаться направить эти спонтанные, взрывные ситуации бунта в эффективное повстанческое русло, чтобы атаковать не только включённых, запертых в своём тевтонском замке, но и самый механизм, отрезающий язык? В будущем мы должны будем работать над повстанческими и революционными кодами, которые могут быть прочитаны и поняты исключёнными. Будем говорить просто. Мы не можем построить альтернативную школу, способную снабжать рациональными инструментами людей, не готовых ими пользоваться. Мы не можем повторить работу,

себя задушенными в тевтонском замке. И они станут шипом в боку капиталистического проекта. Они окажутся классовыми перебежчиками, теми, кто бросит свой класс ради восстания. Такие люди, как мы знаем, встречались и раньше. Я сам прежде принадлежал к привилегированному классу. И я покинул его, чтобы стать «товарищем среди товарищей». Я ушёл от привилегированных вчерашнего дня к революционерам сегодняшнего. И что же я принёс с собой? Я принёс мою гуманистическую культуру. Я могу вам дать только слова. Однако перебежчик завтрашнего дня, будущий революционер, захватит с собой из привилегированного класса технологию. И это будет важно, поскольку одной из главных характеристик завтрашнего капиталистического проекта (и принципиальным его условием) станет дистрибуция знания, уже не пирамидальная, но горизонтальная. Капиталу понадобится дистрибутировать знание в более разумном и равноправном модусе — но всегда только в классе включённых. Поэтому дезертиры привилегированных завтрашнего дня принесут с собой много полезного с революционной точки зрения.

А исключённые? Будут ли они покорны? В самом деле: что они могут потребовать, если коммуникация отрезана? Чтобы что-либо требовать, нужно знать, чего вы хотите. Невозможно требовать нечто, о чём ты ничего не знаешь, что тебе абсолютно недоступно и не стимулирует твоё желание. Разрушение общего языка сделает реформизм (частичное требование лучших условий) совершенно устаревшим. Реформизм базировался на общем языке, существовавшем между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Но если языки разные, ничего нельзя попросить или потребовать. Я не могу интересоваться тем, чего я не знаю. Таким образом, капиталистический проект будущего — «пост-индустриальный проект», как это обычно пред-

ставляется — будет сущностно базироваться на покорности эксплуатируемых. Им будет навязан код поведения, основанный на очень простых элементах. Они смогут пользоваться телефоном, телевизором, компьютером и всеми остальными объектами, удовлетворяющими первичную, вторичную и прочие нужды исключённых, и в то же время гарантирующими, что они под контролем. Это будет скорее безболезненная, чем кровавая процедура подавления. Попытки кончатся. Никаких вырванных ногтей и отрезанных гениталий. Это прекратится — до определённой степени, разумеется. Если нужно, они к этому прибегнут. Но в общем и целом — покров молчания падёт на головы исключённых.

Однако во всём этом есть один промах. Бунт в человеке связан не только с нуждой, с осознанием недостатка чего-либо и с восстанием против этого. Такой концепт бунта — чисто просвещенческий и восходит к английской философской идеологии, к Бентаму, к утилитаристским идеям. Последние 150 лет наша идеологическая пропаганда базировалась на этих рационалистических предпосылках, постоянно говоря, что нам чего-то не хватает и что необходимо восполнить этот недостаток для всех, потому что мы все равны. Но, товарищи, вместе с языком власть собирается отрезать и эти концепты равенства, братства, гуманности. Включённые завтрашнего дня не будут испытывать братских чувств по отношению к исключённым, но будут ощущать их как нечто совершенно другое. Исключённые завтрашнего дня будут вне тевтонского замка и не смогут рассматривать включённых как своих возможных послереволюционных товарищей.

Включённые и исключённые будут две разные вещи. Примерно так же, как сегодня я считаю свою собаку «другой», потому что она не говорит, а лает. Разумеется, я люблю свою собаку,

она мне полезна, она меня охраняет, машет своим хвостом, но мне не придёт в голову сражаться за равенство между человеческой и собачьей породой. Это по ту сторону моего воображения, это другое. Трагически, такое разделение языков может произойти в будущем. И даже сейчас, разве мы не наблюдаем ограничение языкового кода исключённых, проявляющееся в новых звуках, образах, красках, картинках? Исчезает традиционный код, основанный на слове, на анализе, на общем языке. Не забывайте, что этот традиционный код был базисом просветительского, прогрессивного анализа, принципиального для всей революционной идеологии — и авторитарной и анархистской. Анархисты по-прежнему привязаны к этому концепту, связанному с силой слова, с важностью критики. Но если капитал отрезет слово, всё будет по-другому. Мы все так или иначе знаем, что многие молодые люди сегодня вообще не читают. Они слушают музыку, их трогают образы (телевидение, кино, комиксы). Но эти техники, как вам могут объяснить компетентные люди, обладают одной особенностью (особенно в руках власти). А именно: они могут достичь иррациональных чувств, существующих в каждом из нас. Иными словами, значение рациональности как средства убеждения и двигателя самосознания, способного вести нас в атаку на классового врага, падает. Оно ещё не исчезло совсем, но резко снизилось.

Так на каком же основании будут действовать исключённые? (Поскольку они несомненно продолжат действовать.) Они будут действовать на основании сильных иррациональных импульсов.

Товарищи, я хочу, чтобы вы задумались о некоторых вещах, уже сегодня происходящих, например, в Великобритании, стране продвинутого капитализма. Я говорю о феномене спонтанных, иррациональных бунтов.